

Бог услышал шорох и вышел на террасу. Ночь пахла мокрой землёй. В тумане неба плавали блёклые звёзды.

Бог огляделся и заметил у входа в подвал какую-то фигуру. Судя по очертаниям—женскую. Фигура пошевелилась. Жалостливо заскулил младенец, и бог вздрогнул. Липкая змейка страха скользнула по позвоночнику. Этого не может быть, подумал он...

Конечно, ему было известно, что где-то там, под землёй, живут гоминиды, но никто никогда их не видел. Так, слухи...

— Чёрт, — выругался про себя бог. — Только этого не хватало!

Опасность отозвалась тянущей болью где-то в области печени. Бог подошёл поближе. Из-под мокрого серого капюшона на него глядели расширившиеся от страха огромные, чуть раскосые женские глаза. Густые распущенные волосы отливали синевой. Губы—крупные, откровенно чувственные. В отличие от богов, во многом утративших различавшие женщин и мужчин черты, в странной гостье сохранилась вызывающая сексуальность. Большая грудь, широкие бедра и неприлично не прикрытые одеждой ноги. Существо явно было отсюда—из подземелья...

— Не прогоняй! — слышался сорванный страхом голос.

Существо говорило вслух. Так общались между собой много столетий назад гоминиды. И бог растерялся. Если кто-нибудь узнает, что он не вызвал сразу службу безопасности, ему грозят крупные неприятности.

Несколько секунд он колебался: извещать или нет? Кому ещё когда-либо удавалось встретить настоящего живого гоминида? Страх схлестнулся с любопытством, и любопытство оказалось сильнее. — Что ты тут делаешь? — послал он телепатему самке гоминида.

— Сын! — сжала она в руках свёрток из одеяла. Она почти рыдала. — Он болен! Спаси его! Вы ведь боги! Можете всё...

Околдованный древним инстинктом любопытства, сам не свой, бог оглянулся и сделал то, чего делать никак не должен. Открыл подвал и дал самке гоминида шмыгнуть туда. Потом, чувствуя, как чутунет тело, стал напряжённо вглядываться

в темноту. В домах по соседству спали. А если кто-то—нет?

Налёгши на дверь подвала, чтобы снова не скрипнула, хотя до соседей было довольно далеко, бог осторожно протелепатировал команду: свет! Включилось матовое освещение. Самка гоминида сжалась в углу, обнимая свёрток с младенцем. Бог шумно выдохнул.

— Как ты сюда попала? Ведь вход и выход из подземелья перекрыты электроникой...

Сказал и подумал: поймёт ли? Он ведь не говорил—посылал свои мысли усилием воли. Но она явно поняла. Снова слышался её срывающийся голос:

— Если бы я осталась там, он бы умер... Спаси его!..

Умер! — застучало в голове у бога. В безгласном языке богов это слово было запретным.

P-76XC43 был в смятении. Уже то, что он впустил её к себе в дом, было тяжчайшим преступлением. Он обязан был тут же, без промедления, известить службу безопасности. Но он не сделал этого. Неожиданная встреча встряхнула в его подсознании запретный, давно запертый на замок угол.

Практически он один, хранитель засекреченного архива, имел, кроме членов Правления, доступ к истории богов. Десятки лет жадного изучения компьютеризированной истории человечества и его культуры вызвали в нём болезненно острый интерес к эпохе, предшествовавшей появлению богов. Он настолько проникся таинственным прошлым, что порой позволял себе представить, будто он сам живёт много сотен лет назад. И, презрев все запреты и табу, как и те, кто тогда жил, любит, ненавидит, предаёт, страдает, жаждет, совершает подвиги и раскаивается.

Бог ощутил внезапно в себе тёмный, таинственный и никогда прежде не испытанный хлопок желания прикоснуться к женщине.

Очнувшись, он послал ей новую телепатему: — Не бойся! Только обещай, что, когда будет можно, ты тут же уйдёшь. Я помогу тебе проскользнуть через электронику...

Он не успел договорить: в ту же секунду раздался беззвучный сигнал тревоги.

— Внимание! Внимание! Внимание! Готовность номер пять! Всем! Всем! Всем! Побег гоминидов из подземелья!..

Дальше слушать бог не стал. Страх напал, сжимая горло и мешая дышать. В голове послышался лёгкий щелчок. С ним выходила на связь его последняя подружка. Прежде чем ответить, он просигналил самке гоминида: ни звука!

— Ну,— сказала подружка,— слышал? С ума сойти! Уже ни на кого нельзя полагаться. У них там гоминиды сбежали...

— Да,— просигналил он в ответ.— Не говори!

— Что делаешь?

— У меня есть кое-какая работа. Должен разобратся. Это срочно...

— Ладно, привет...

Только теперь бог осознал, в какую историю влип. Но выгнать самку сейчас значило бы выставить себя в качестве её сообщника. Он ведь не позвонил сразу, как её обнаружил, в службу безопасности. Если дознаются, его ждёт наказание: сотрут память. Он станет прозрачным. Его перестанут видеть и замечать. То есть— смерть при жизни. А ведь она бесконечна...

Сколько ему лет, архивист Р-76ХС43 не знал. Понятия Времени в мире богов не существовало. Время возникает лишь там и тогда, где всему живому приходит конец. А вечности оно незначителен.

Официальная история гласила, что сотни лет назад человечество оказалось на грани катастрофы. Успехи технологий и растущий уровень жизни вызвали неконтролируемый демографический взрыв. А вместе с ним— социальное расслоение и конфликты.

Чернь устраивала уличные бунты, громила благополучные кварталы. В стёкла фешенебельных магазинов летели бутылки с зажигательной смесью. Опрокинутые и подожжённые «роллсройсы» и «мазерати» пылали в бензином зареве, как свечи на праздничном пироге. А толпы юнцов в балаклавах с рёвом и гогомом гонялись за редкими прохожими.

Интеллектуальная элита и верхушка среднего класса не знали, что делать: как сохранить свои привилегии? Их роскошь, возможности и кастовые амбиции стали реальностью благодаря мощи знания. Но конкистадоры объявили высокотехническую аристократию классом паразитов, а подстрекаемый ими плебс со злой иронией прозвал элиту богами.

Попаста в число богов чужому было практически невозможно. Всё начиналось с раннего детства: с дорогостоящих детских садов и школ, частных преподавателей, спортивно-оздоровительных лагерей... Богом становился не самый способный, а самый обеспеченный.

Чтобы если не удержать власть в руках, то хотя бы ослабить гул надвигающегося насилия и анархии, правящая элита прибегла к диктатуре. Неудивительно, что в конце концов она оказалась

в вызывающе роскошном, хорошо укрепленном и не доступном для масс гетто.

Разброд и шатания охватили не только развитые, «благополучные» страны, но и проснувшиеся от тысячелетнего сна истории далёкие отсталые провинции. Здесь тоже начались социальные бури. Вначале местная правящая верхушка отвлекала недовольные массы многочисленными военными междоусобицами. Но слабость уже не способных на жестокий отпор вчерашних империй привела к тому, что были поколеблены и их границы тоже. Нерешительность тяжеловесов всегда рассматривается более слабыми участниками драки как приглашение к расправе. Был разбужен джинн религиозного фанатизма. И если взять в расчёт обширные военные, в том числе ядерные, арсеналы, катастрофа в масштабе всей планеты стала почти неотвратимой.

Именно тогда группа известных генетиков и решила на неслыханный эксперимент. Была специально разработана генная мутация, которая позволяла изменять не только биологические характеристики человека, но и его психологию. Впоследствии она получила название «генотерапии»...

Правда, излагалось всё это более чем туманно. Якобы губительная пандемия унесла жизни тех, кто не мог купить изобретённую к тому времени вакцину. А спасительную «генотерапию» могли себе позволить лишь очень состоятельные люди. Зато те, кто это сделал, обрели практически вечную жизнь. Правда, сколько столетий или тысячелетий она могла продолжаться, сами боги не знали. Впрочем, как и имена своих спасителей.

За годы работы в секретных архивах Р-76ХС43 пришёл к убеждению, что загадочными реформаторами науки двигали не человеколюбие и не мечта о спасении цивилизации, а элементарный расчёт. За неограниченное долголетие люди были готовы платить любые деньги. Став вечным, человек невольно превращался в бога...

Выжившие в пандемии гоминиды, предпочтя сохранность прежнего образа жизни, ушли под землю. Это было, согласно официальной Истории богов, их добровольное решение. Боги же, в свою очередь, обязались снабжать их необходимой для искусственного освещения и выращивания злаков и скота энергией.

Самих гоминидов уже сотни лет никто не видел. И самка с детёнышем, оказавшаяся возле дома Р-76ХС43, стала первым контактом богов с жителями подземелья.

— Зачем ты пришла? — протелепатировал он женщине.

— Его никто не мог вылечить, — громко, как ему показалось, прокричала она, указав на ребёнка.

Р-76ХС43 вздрогнул. Он с боязливым любопытством разглядывал незваную гостью. Её

миловидное личико, изящный, не как у богов, тонкий нос, полные губы и лихорадочно светящиеся, с синеватым отливом глаза...

Самка вытатила из покрывавшей её хламиды грудь и прижала к ней ребёнка.

— Что ты делаешь? — удивлённо спросил её бог.

— Кормлю, — ошарашенно ответила та вслух. — Он голоден. Пьёт молоко...

— В тебе есть молоко? — растерялся Р-76ХС43.

— А что? — удивилась самка. — Разве у вас, богов, это не так?

— Мы не рождаемся и не умираем. Живём вечно. Продолжение рода нас не волнует.

Когда ребёнок перестал чмокать и уснул, Р-76ХС43, пытаясь преодолеть внезапно проснувшуюся в нём брезгливость, спросил:

— Ты голодна?

Самка кивнула. Не очень-то стеснительна, решил Р-76ХС43. Он пошевелил пальцами, и в стене открылось отверстие. Он вытатил оттуда галету и предложил ей.

— Здесь много калорий.

Самка поднесла галету ко рту, попробовала и энергично сплюнула.

— Какая гадость! — вырвалось у неё.

Р-76ХС43 поморщился.

— Ты не так уж голодна, — мысленно сказал он.

— Мы такое не едим...

Р-76ХС43 холодно оборвал её:

— Придётся: иной еды у нас нет...

И в тот же момент послушалось лёгкое жужжание в ухе:

— Что-то мне не спится. Приду к тебе...

Р-76ХС43 закусил губу. Этого только не хватало! Мгновенно повернувшись к самке, он протелепатировал:

— Спускайся за мной в подвал! И — ни звука! — хрипло добавил он вслух. — Если тебя услышит моя подруга, тебя аннигилируют вместе с ребёнком, а у меня сотрут память.

к-53вн11 была старше Р-76ХС43. Возраст на богах никак не сказывался. Просто в её прошлом было на четырнадцать союзов больше. А союз между разными полами длился у богов в среднем пять лет. Впрочем, на привычный человеческий брак они нисколько не походили. В основе их был интеллект, а не физическая близость. Обычно пара ложилась каждый в своё ложе и, приложив электроды к вискам, включала оргазмотрон. Возникала светящаяся аура возбуждения. Её мощность и продолжительность устанавливал каждый по своему желанию. Если оргазм наступал у обоих богов вместе, считалось, что цель достигнута.

Продолжаться вечно такие союзы, конечно, не могли. Среди богов даже ходила шутка, что и обязательно должен наступить момент, когда каждый, перепробовав всех, должен начать по новой.

Чтобы отвлечь внимание появившейся на пороге подруги, Р-76ХС43 сразу же изобразил обиду.

— Почему ты включаешь оргазмотрон без меня?

— Не обижайся, ты ведь работал!

— Не могла подождать?

к-53вн11 обезоруживающе улыбнулась.

— Я уже целую неделю без оргазма. Стосковалась: включила его даже на два деления на шкале ниже самой высокой мощности.

Р-76ХС43 знал: обида может размягчить сердце обидчика. И впрямь, к-53вн11 добавила извиняющимся тоном:

— Да он и работал-то только полчаса. Потом слышались это проклятое: «Всем! Всем! Всем!» — и пришлось его выключить. А ты сам когда в последний раз оргазмировал? Небось, без меня тоже?

— Нет! — пожал он плечами. — С тобой!

Обычный для гоминидов секс считался среди богов варварством. Почему кто-то должен грубо вторгаться в твоё личное пространство? Оно священо! Деторождение, внушалось богам, несёт в себе отзвук животного мира: ты слаб и не вечен. Твои беспомощность и бессилие, страх перед смертью и исчезновением толкают тебя довольствоваться копией, а не оригиналом. Суррогатом, а не совершенством творения.

— Ты заметил что-нибудь вчера ночью? — небрежно спросила к-53вн11. — Проспал?

— А что? — удивился Р-76ХС43.

— Мужчины! — подчёркнуто сыронизировала к-53вн11. — Просто поразительно, насколько вы менее чувствительны. Так ничего и не почувствовал? Астероид! Он упал возле нервного узла связи. В одиннадцати километрах отсюда. Освещение отключилось, но только на секунду. Его сразу же подменило аварийное. Говорят, узел удалось восстановить только через шесть часов.

Р-76ХС43 изобразил на лице безразличие:

— Это проблема технической службы.

к-53вн11 бросила на него изучающий взгляд:

— Что-то ты сегодня не такой!

— Какой?

— Не знаю. Не такой...

Р-76ХС43 почувствовал холодок внутри.

— Потому что у меня нет настроения включить с тобой оргазмотрон? — попытался он отвлечь внимание подруги.

— Чем ты вообще занят?

— Проект!

— Слышал? Кто-то из гоминидов попытался выбраться наверх...

Р-76ХС43 срочно чихнул: она могла заметить его реакцию.

— Нашли?

— Пока нет! — откликнулась к-53вн11.

Когда она ушла, беспокойство Р-76ХС43 только возросло. Если уж она ощутила в нём что-то не

то, что говорить о других... Стоит лишь оказаться в чём-то заподозренным, от тебя уже не отстанут. Все взгляды, всё внимание, вся истосковавшаяся по включениям бдительности будут сосредоточены на тебе. А отсюда уже недалеко до психоделического обследования. Тебя пичкают разной наркотической дрянью, опутывают датчиками и вторгаются в самые затаённые мысли. И—хотя такие случаи крайне редки—ампутируют память и сознание.

Ты вышвырнут из вечности. Твоё наказание—в вязкой, пугающей, вечной неизвестности...

Почему он, P-76XC43, ввязался в эту авантюру? Сейчас его гостю уже крайне трудно вернуться в подземелье. Придётся прятать, лгать и делать вид, но сколько это продлится, никто сказать бы не смог.

P-76XC43 спустился в подвал, который вёл к подземному хранилищу информации. Он увидел самку, спящую рядом с детёнышем. Мысль, что нужно было сразу известить службу безопасности, сверлила у него в мозгу. Самку, конечно, тут же аннигилировали бы вместе с ребёнком, но у него бы не было никаких неприятностей.

Непрошенная гостя открыла глаза. Её беспокойный, подозрительный взгляд будоражил и напрягал.

— Как тебе удалось выскользнуть из подземелья? — протелепатировал он осторожно.

Самка ответила громко, голосом, и он невольно вздрогнул:

— Унас вдруг погас свет. Потом, правда, включился снова, но стал куда слабее...

P-76XC43 вспомнил об астероиде, который повредил нервный узел связи. Логично, подумал он, но мало что объясняет.

— Ну погас, потом ведь включился, и что?

Его вдруг потянуло прикоснуться к ней. Ощутить её всю. Почувствовать её тепло и запах, от которого у него слегка закружилась голова. Ему даже пришлось сделать усилие, чтобы побороть себя.словно избавляясь от галлюцинации, он резко встряхнул головой. Никогда раньше он такого не чувствовал.

Незванная гостя явно удивилась:

— Как—что? Если приблизиться к решётке, на выходе начинает реветь сирена, а воздух бьёт током. Чуть ближе—и тебя заколотит, как эпилептика. Не отбежишь назад—смерть. А сирена молчала больше часа.

— Эпилептика? — переспросил P-76XC43 ошарашено.— А ты знаешь, что такое эпилепсия? — про электричество он почему-то не стал спрашивать.

Попытка избавиться от наваждения ему не удалась. Возбуждение не проходило. Безотчётный позыв буквально ошеломил его.

Гостя не ответила, только пожала плечами. Он одёрнул себя. Он бог, она самка гоминида.

— Никакой решётки нигде и в помине нет! — сказал он мысленно, чувствуя, как наливается тяжестью всё его тело.

— А я думала, вы, боги, и вправду всё знаете. Её просто не видно, но она есть...

— Дура! — огрызнулся он про себя, вспомнив это давно забытое слово, и скривился от стыда. С кем он препирается? — Ладно! — послал он новую телепатему.— Пойдём в кабинет.

Кабинет был огромной пустой комнатой без окон. Одно движение его пальца, и темноту мягко сменил нежно голубоватый свет. Ещё одно—и от стены отделились два кресла и стол.

— А где всё это хранится? — ошарашенно спросила гостя.

— Как где? В пространстве. Виртуальном,— добавил он.— Ну, если тебе что-то сейчас не нужно, зачем оно тебе здесь?

И тут же пожалел о своей оплошности. Откуда она может знать, что такое виртуальное пространство?

— Как бы тебе объяснить?... Это...

— Ты о воображении, что ли? Как в арифметике: один пишем, два в уме?

Бог почувствовал досаду. Заплакал проснувшийся младенец. И в тот же момент он принял телепатическое сообщение:

— P-76XC43, P-76XC43, Правление предлагает вам немедленно выдать самку гоминида с ребёнком...

В первую секунду он не ощутил ничего, кроме растерянности. Потом—ужас и панику. Ему сотрут память! Он превратится в изгой! В отщепенца вечности...

На мгновение в нём затрепетала надежда: а что, если её всё же сдать? Может, удастся переубедить Правление и простить его? Кто она ему? Какое ему до неё дело?

— Я её не сдам.

— Вам стоит подумать. Самка гоминида умрёт: она ничто для Вечности. А вы окажетесь в клетке абсолютного одиночества. Выхода из неё нет.

P-76XC43 сглотнул тяжёлый ком слюны. Выбор сделан. Не им—богами...

— Сколько у меня времени?

— Неделя!.. Хорошо—две...

Он понял: ему решили дать свариться в самом мучительном отсеке ада—в жалости к самому себе и своей несчастной судьбе. В унижительной надежде на прощение...

— Что-то случилось? — услышал он голос туземки.

— Ничего! — постарался он успокоить её.

Ей не понять. Слова—лишь символы: страха, радости, негодования, удивления. Они не в состоянии передать силу и глубину переживаний. Они бледны и бесполезны.

— Мне уйти?

Настороженно-пугливый взгляд. Дрогнувшие губы. И вдруг—вне всякой логики вопрос:

— А можно спросить—как вас зовут?

— Р-76ХС43,—пожал он плечами.

— Это имя или номер?

Он удивился:

— Обычное у нас, богов, имя...

Она уставилась на него, не понимая.

— У вас у всех, у богов, такие имена?

В её глазах внезапно промелькнуло подобие усмешки. Он даже почувствовал неловкость, но отвечать не стал.

— Давай я буду лучше называть тебя как у нас—именем! Хочешь быть Виктором? Победителем! У меня древнее имя—Майя. Когда-то очень давно жило такое племя... Не против?

Так он стал Виктором.

Сначала они мало общались. Она возилась с ребёнком, давала ему лекарство и даже привыкла к безвкусной, но полезной пище богов. А Р-76ХС43, пытаясь прийти в себя, снова и снова возвращался к мысли, что вечность, по сути,—далеко не подарок. Он ведь ни разу в жизни не испытал и слабого подобия того, что бродило в нём сейчас. Что дало ему бессмертие? Вызвало хоть раз сильное желание? Пробудило жажду что-то совершить? Зажгло полётom фантазии? Встряхнуло ещё оставшейся где-то дурью? Всё его существование было вязкой кашей чередующихся, похожих один на другой как две капли воды дней. Можно ли это сравнить с тем, что захватило его сейчас?

Вечность не только бесцельна—она бесплодна. Это бесконечное чередование уныния и скуки. С точки зрения богов, волнение, стремление, неуспокоенность—это иллюзия, мираж. Но в штормовом океане и мираж может стать спасением. Вытолкнуть из шквала отчаянья. Вдохнуть воздуха в лёгкие. Продержать на плаву надеждой...

Появление Майи сделало Р-76ХС43 диссидентом. Её образ, как наваждение, не оставлял его ни на минуту, чем бы он ни занимался. Он ощущал её настолько реально, что не мог думать ни о чём другом. Представлял её захватывающие формы. Слышал дыхание. Вздрагивал от её запаха...

— Ты сказал, что сможешь мне отсюда уйти...

Он не знал, что ответить. Если бы кто-то сказал ему раньше, что встреча с самкой гоминида вызовет в нём такую бурю, он бы счёл это неудачной шуткой.

— Пока это невозможно. Тебе со мной плохо?

Настороженный взгляд женщины ускользнул, губы скривились.

— Мы в тюрьме. Ты этого не замечаешь?

— Чего тебе здесь не хватает?—попытался он уйти от ответа.

— Людей!

— Хочешь сказать, я хуже?..

— Нет! Ты спас моего сына! Ты добрый! Но ты бог, и мы не равня.

— Жаль,—вырвалось у него.

Он взглянула на него с удивлением. Взгляд словно бы взвешивал его, как весы.

— Ты всегда ровен и спокоен. Рассудителен. Не сделаешь глупость. Не заплачешь. Не засмеёшься. А мы, люди, привыкли жить по-другому. Любить, ненавидеть, радоваться, сожалеть. Ты в небе, а я—под землёй.

У Р-76ХС43 перехватило горло. А она, заметив, как изменилось его лицо, вдруг улыбнулась и добавила:

— Виктор...

Если бы он только мог позволить себе раскрыться!

— Они хотят, чтобы я вышла наружу...

— Кто?—протелепатировал он, хотя прекрасно понимал кто.

— Боги!

В принципе, этого стоило ожидать.

— Что они сказали тебе?

— Что я и мой ребёнок обречены... И что я сама в этом виновата... Чем больше я сопротивляюсь, тем мне потом будет хуже. Потому что страх—самая мучительная и медленная из всех казней...

Лицо Р-76ХС43 искривила гримаса.

— Что же теперь будет, Виктор?

Она снова назвала его этим именем...

— Ты не одна!..—сжав от злости губы, протелепатировал он.

Она смотрела на него с такой беспомощностью, что он не выдержал. Ему вдруг захотелось прикоснуться к ней, погладить, успокоить. Но от этого становилось только хуже.

— А ты можешь говорить как я? Голос у тебя есть?—услышал он.

И он впервые, чуть откашлявшись, попробовал привести в действие голосовые связки:

— Хорошо, я постараюсь...

Р-76ХС46 не мог понять, что с ним происходит. Чем она его так необъяснимо притягивала? Интеллектом? Смешно! Любопытством? Было бы чему удивляться! Сексом? Но боги давно отказались от его человеческой разновидности из-за её животного примитивизма.

Майя засыпала его вопросами:

— А почему боги считают обычный секс грязным? Он ведь естественен. Кайф не может быть грязен. А их оргазмотроны...

Р-76ХС43 нетерпеливо прервал её:

— Ты пробовала?

— Нет!—её передёрнуло.—И не хочу. Для секса нужны двое. Один счастлив потому, что делает счастливым другого. Кто с ним...

Общение с гостьей всё больше затягивало Р-76СХ43. Против воли он ловил себя на том, что не может отвести взгляда от её бёдер и груди. Ребёнок

её возбуждал в нём не столько любопытство, сколько брезгливость. Крохотное сопящее существо, которому она уделяла столько времени и ласки...

Однажды он спросил её:

— А тебе не кажется странным, что мы с тобой... — он долго искал подходящее слово, пока невольно не использовал наименее подходящее, — подружились?

На её лице возникла улыбка.

— Но ты не совсем бог, Виктор, ты немножко человек. Может, ещё не совсем, но где-то в глубине...

Его это больно кольнуло. Он даже вздрогнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Боги бесчувственны, Виктор, а в тебе не умерло сострадание. Пусть они и умнее, и могут намного больше людей, но не способны на добро. Для них самое важное — польза. А польза для одного — часто горе для другого, — она бросила на него быстрый взгляд. — Ты когда-нибудь задумывался, кто устроил богам райскую жизнь? Вырабатывает под землёй энергию? Делает всю чёрную работу? Даже готовит их дерьмовые галеты, которые они жрут, как деликатесы? И почему они не могут выйти на свет божий?

В нём закипало что-то нехорошее. Злое. Но она или этого не замечала, или не хотела замечать. — Чтобы стать богами, они создали смертельную бактерию. Перезаразили весь мир. Люди мёрли миллиардами. А нас, живших на острове, загнали под землю и превратили в рабов. Не знаю даже, остался ли ещё кто-то, как мы здесь, в живых... Но нас они боятся...

Р-76ХС43 остановил её:

— Бог во вселенной только один, Майя! Поиск совершенства! Эволюция! А она не знает милосердия и не способна на жалость, она упрямо идёт к своей цели.

— К цели? — схватила она его за руку, чего раньше никогда не осмеливалась делать. — К какой цели? Жить вечно? Жрать, испражняться, получать удовольствие?? И это всё? Всё? Всё? Всё, я спрашиваю? А если надоест? И, чтобы разогреть остывшую кровь, понадобится что-нибудь поострее? Например, — убить меня и ребёнка, сделать из нас чучела для демонстрации человеческой отсталости?

Р-76ХС43, почти не сознавая, что делает, приблизился к ней и обнял её за плечи. Она не отшатнулась. — Не знаю! Я должен во всём разобраться сам. Понять! И решить, — проговорил он снова вслух.

Но она доконала его новым вопросом:

— Тебя когда-нибудь любили? Радовались твоему появлению на свет? Ты сосал материнскую грудь? Тебя целовали? Играли с тобой? Следили за твоими первыми шагами?

Р-76ХС43 прикрыв глаза и сморщился. Не знал, что ответить.

— Ты бедный! Тебя обобрали, ограбили, лишили даже детства!..

Р-76ХС43 не выдержал и вышел, прикрыв за собой дверь...

Р-76ХС43 чувствовал своё бессилие. Сомнения, как ржавчина, уже довольно давно разъедали многовековую броню его уверенности. Но сейчас всё это обрело особую остроту.

Даже когда она была в другой комнате, Р-76ХС43 почти ощутимо представлял её дразнящую женственность. Округлость форм. Упругость. Мягкую кожу. Запах. Звук голоса. Он впервые ощутил желание обладать. Всё это было настолько ново и непостижимо, что он ни о чём другом не мог думать. — А ты сама? Любила отца своего ребёнка? — спросил он однажды, стараясь не выдать себя голосом.

Она посмотрела на него удивлённо и растерянно переспросила:

— Что?

Он не ответил. И она улыбнулась.

— А ты изменился, Виктор!..

Р-76ХС43 ощутил внезапный прилив досады. Да кто она такая? Как смеет разговаривать с ним на равных? Что себе позволяет? Майя испуганно притихла.

— Я сказала что-то не то?

Его глаза сузились в острые щёлочки.

— Ты меня выгонишь?

Не ответив, он тяжёлым шагом подошёл к двери, открыл её и сухо протелепатировал:

— Иди к себе. Там твой ребёнок плачет...

Из-за этой женщины он попал в переплёт, из которого уже не выбраться. Кончится вечность. Исчезнут гармония и душевный баланс. Металл хладнокровия превратится в тряпку. А нирвану бесстрастности и созерцания задавят стресс и недовольство...

С другой стороны, он давно уже пришёл к выводу, что боги выстроили для себя рай на свой вкус. Удобный, комфортабельный загон самоублажения, в котором нет соблазнов, но нет ни мечты, ни будущего. Исчез антагонизм, но вместе с тем увяли желания. Не манит перегрузка поиска. Замер пульс интереса и находок. Вместо тяги к открытиям поддувает сквозняк безразличия и скуки. Тайна тянет в небо, а инерция — в застой комфорта и спокойствия. Тот, кто не способен это понять, — слеп и глух.

Чего оно стоит, бессмертие, если лишает возможности чувствовать и ощущать? Плата за него отнимает у человека само желание желать. Расстопить абсолютный ноль покоя и равновесия, пусть и на короткий миг, способно лишь что-то необычное и захватывающее. Что же предпочтёт он, вообразивший себя богом Р-76ХС43? Что выберет? Ураган бури или энтропию самодостаточности?..

Иногда он чувствовал уколы ревности. От кого у неё ребёнок? Он даже спросил её:

— Почему ты, а не твой муж, пошла на такой риск, как попытка выбраться из подземелья?

— Я мать,— пожалала она плечами.— А мужа у меня не было и нет. Был парень, которого я хотела, но он ко мне равнодушен.

— Я бы никогда тебя не отпустил...

Губы её дрогнули, глаза от удивления широко распахнулись, и в них мелькнул трогательный лучик нежности. А может, ему это показалось?

— Но для этого надо любить...

Голос её прозвучал смущённо, но как-то очень тепло. И Р-76ХС43 вдруг ощутил, что у него перехватило горло. Он молча вышел в другую комнату...

Любовь— иллюзия, учили боги. Увлекательная, но виртуальная игра мозга. И отличается от реальности, как сон от бодрствования. Но если бы его спросили теперь, он бы ответил, что иллюзия неотделима от реальности. Обе они существуют параллельно, но иногда могут пересечься...

Ночью он услышал крик. Ворвавшись к ней в комнату, он увидел её сжавшейся от ужаса на софе. Тёмный взгляд испуганно застыл. Рот остался открытым в крике. Она вдруг прильнула к нему, и стук её сердца вызвал в нём незнакомый ему совершенно порыв сочувствия и жалости. Пульс сошёл с ума. Руки налились лаской. Рот, чтобы успокоить её, прижался к её губам. Р-76ХС43 вдруг подумал, что за все долгие годы своей жизни он никогда не испытывал ничего подобного тому, что обрушилось на него сейчас.

— Они связались со мной...

— И что?— хрипло спросил он.

— Сказали, что если я выйду с ребёнком, они меня пощадят...

— Пощадят?!— выдохнул он со злостью.

— Я спросила: а ты? Они ответили: это другое дело. Ты бог и должен отвечать за свои поступки.

Р-76ХС43 слегка отстранил её от себя:

— Я тебя держать силой не стану.

Может, она не обратила внимания на это?

— А что они сделают с тобой?

Р-76ХС43 усмехнулся:

— Сотрут память! Сделают изгоем вечности!

— Вы и вправду вечны?— вырвалось у неё.

Он кивнул.

— И ничего особенного не происходит? Помрёшь от тоски...

Он пожал плечами.

— Тебе это не надоедает?

— До тебя— нет!

Её взгляд засветился, как будто внутри вспыхнул фонарик:

— Я останусь...

Он замер.

— Что?— вначале не поверил он.— Ты серьёзно?

— А ты бы бросил меня в беде? Или ты бог...

Он проглотил слюну.

— Ещё недавно— да! Сейчас— нет!

— Не боишься?

Он тяжело сплотнул слюну:

— Вечность мне больше не нужна.

И тогда она задала вопрос, который застал его врасплох:

— А чего бы ты хотел вместо неё, Виктор?

— Быть с тобой,— хрипло выдавил он вслух.

— Влюбился?— её губы расплылись в улыбке.

— Не знаю, но мне с тобой хорошо,— вырвалось у него.

Ему показалось, что он летит в пропасть.

— Виктор,— назвала она его снова по имени, которое сама придумала.— Я никогда не думала, что смогу соблазнить бога.

Он усмехнулся:

— Если бы мы были богами, мы бы что-нибудь создали. А мы— нет... Только себя...

Она улыбнулась.

— Знаешь, о чём я не раз думал?— поднял он, словно удивляясь, брови.— Когда умирает человек, остаются в живых его дети. Как бы его продолжение. А у нас, у богов, этого нет. Мы бесплодны. А если нет потомства и продолжения— зачем же мы тогда?

— С тобой интересно. Я никогда ничего подобного не чувствовала,— блеснул огонёк в её глазах.— Ты мне нравишься... Скажи, а ты помнишь себя маленьким?

Р-76ХС43 покачал головой.

— Нет, конечно! Нам ведь всем стёрли память.

— Кто?

— Понятия не имею...

— Но почему?

— Наверное, чтобы мы не задавали вопросов.

— А сколько тебе лет?

Р-76ХС43 удивился.

— Для вечности это не играет никакой роли. Время в ней не нужно.

— А что нужно?

— Быть!

Она не поняла.

— Подожди! Быть для чего?

Стоп, как это ей объяснить?! Всё-таки разница в интеллекте между богами и гоминидами не может не сказываться, а потому он ответил не сразу:

— Чтобы видеть, слышать, радоваться...

Бред какой-то! Он даже чертыхнулся про себя. Она загнала его в угол. Ответа на её вопросы у него не было. И он растерялся. Да и что он мог ей сказать в ответ?

И тогда она нанесла ему последний и сокрушительный удар:

— Скажи, а вот ты сам— ты чувствовал себя счастливым?

Р-76ХС43 оторопел:

— Никогда об этом не думал...

— Ведь для счастья нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. Иначе ты этого не почувствуешь.

Он вначале даже не понял, почему она это сказала. А Майя, видя его растерянность, объяснила:

— Понимаешь, сам ты, даже если счастлив, этого не замечаешь. Нужно, чтобы обязательно был кто-то рядом. Только тогда ты поймёшь, что ты счастлив. И не важно, рад ли он за тебя или тебе завидует...
— О ком ты? — почти выкрикнул он.

Она слегка улыбнулась и облизнула губу.
— Ну хотя бы женщина. Богиня... Чтобы порадовалась вместе с тобой. Обняла тебя. Чтобы тебе захотелось разделить с ней свою радость... Ощутить её...

Он покраснел. На её лице появилось насмешливое выражение, и он тоскливо подумал, что его несчастье в том, что он бог и не в состоянии совершить то, что свойственно человеку.

Он в клетке. На нём кандалы условностей и пред-
рассудков, которые нужны богам для оправдания
протиестественности своего существования.

Он попытался оправдаться:
— Убогов контакт между мужчиной и женщиной
не телесный — духовный.

Но прозвучало это не просто неубедительно —
трусливо.

— А если очень хочется? — прищурилась она.
P-76XC43 смутился. Такого рода опыта у него
не было.

— Есть оргазмотрон.
— Это как лизать сахар через стекло...

Сердце стучало так громко, что ему казалось,
она не может не слышать этого. Такта, конечно, у
гоминидов не больно много.

— Так ты никогда вживую не...
Пульс барабанил. Внутри всё сжалось в комок.
— А хочешь?

Она обняла его. Раскрыла губы. Прикрыла глаза
и прошептала:
— Не бойся!

Желание нарастало, ломая его изнутри. Она уже
растёгивала пуговицы на его одежде. Кстати, их
тоже делали гоминиды.

— Ты горячий! — отдавалось у него в ушах. —
Очень!.. Очень!..

Её руки скользили по его телу. Он уже ничего не
сообразжал. Вскипевшая в артериях кровь прорвала
стенки сосудов и хлынула наружу, залив его всего
с головы до ног. Его выкручивало и ломало. И в
этой тягучей потусторонней реальности крутым
кипятком жёг её голос:

— Не молчи! Забудь всё! Откройся!..
Его выворачивало наизнанку.

— Кричи! Стони! Умри! Я умру с тобой тоже!
А потом мы воскреснем...

Его руки сжимали её тело в железные латы боли,
но она счастливо улыбалась и просила:

— Ещё! Ещё! Да!..

И когда его крик ножом вспорол ступившую
плотность пространства, он перестал быть
P-76XC43. Вместо него ожил и обрёл дыхание
Виктор.

— Я тебя не оставлю, — прохрипел он. — Ты во
мне — навсегда!

— Так говорят все мужчины, когда хотят добиться
женщины, но потом об этом забывают.

— Я не забуду, — прошептал он.

Секс изобрела природа. Она нуждалась в ин-
стинкте продолжения рода. Без него жизнь была
бы просто невозможна. А чтобы он действовал
без промаха, загримировала его не очень симпа-
тичную внешность в неотразимую притягатель-
ность наслаждения. С тех пор ничто на свете не
может сравниться с ним по мощи и воздействию.
Секс вездесущ, неувержим и, как показала наука,
активен даже на уровне бактерий. Правда, там его
механизм ещё недостаточно изучен. В животном
мире именно он неотразимо влечёт одну особь к
другой, противоположной ей по полу. Но только
сам человек осознал его тайную суть: виртуаль-
ное бессмертие! В результате, хотя сам человек не
вечен, благодаря наслаждению не очень симпати-
чный физиологический процесс дал возможность
его генам переходить из поколения в поколение.

Цивилизация, конечно, выдрессировала секс.
Запрягла в узду ограничений. Связала запретами.
Ей удалось не только приодеть и причесать его
согласно моде, но даже романтизировать. Недаром
в языке любого народа и племени сохранялось
такое многозначное и расплывчатое слово — «лю-
бовь»! Её поэтизируют, сравнивают с полётом
души и тела. При этом забывается, что она не
только крылья, но и цепи тоже! Конечно, только
любовь может дать человеку то, чего не может дать
ничто другое на свете! Но взамен она лишает его
свободы, с которой ей не ужиться никогда. Кто-то
должен уступить, и свобода обычно незаметно
превращается в зависимость.

— Ты — моя Лилит! — называл теперь свою возлюб-
ленную появившийся на свет человек по имени
Виктор.

— Кто это? — спрашивала она у него всякий раз,
и он снова и снова повторял, что первой женщи-
ной, согласно еврейской каббале, была не Ева, а
её предшественница Лилит, но бешеный сексу-
альный аппетит заставил её бросить его и стать
дьяволицей.

И Майя довольно посмеивалась...
Казалось, это никогда не кончится. Но через
неделю Правление протелепатировало ему:

— P-76XC43, P-76XC43! Вы на связи! У вас было
достаточно времени обдумать ситуацию. Больше
ждать мы не можем. Вы согласны выдать самку
гоминидов и её ребёнка, а самому подвергнуться
ампутации памяти?

— Нет! — мгновенно ответил он.

— Вам ведь не надо объяснять, что преступление
требует наказания? Вы обманули оказанное вам
доверие.

— Дайте мне вместе с ней и ребёнком уйти под землю. Мне не нужна вечность...

— Вот как? Даже забавно! — пошлышался смешок. — То есть ради секса с самкой гоминидов вы готовы отказаться от бессмертия...

Р-76ХС43 промолчал.

— Какая наивность! У генной мутации есть обратный эффект. Для того, кто захочет вернуться в прошлое, время скоростно сожмётся. В десятки, может быть, даже в сотни раз. Вы на глазах превратитесь в глубокого старика.

Он понял одно: доказывать им, что вечность потеряла для него всякое значение, не имеет никакого смысла.

— Тогда отпустите её с ребёнком.

Кто-то раздражённо бросил:

— Вы хотите дать гоминидам шанс повернуть цивилизацию вспять? Выбраться наружу и нас всех перерезать? К счастью, оружия, кроме ножей, у них нет...

Это конец. Его не слышат. По-видимому, кто-то из членов Правления всё же решил его переубедить: — Не будьте романтиком: у эволюции нет морали. Вселенная — саморазвивающаяся система. Выживает наиболее приспособленный. Иначе дальнейшее развитие невозможно. Обезьяна стала человеком только потому, что всё время училась и совершенствовалась. Те, кто эту высоту преодолеть не мог, исчезали.

Ничего, кроме досады и раздражения, это в нём не вызвало. Когда же всё кончится?

— Вы же работали в архивах. Много читали. И о войне между неандертальцами и кроманьонцами на земле много тысяч десятилетий назад тоже. О ней, в общем-то, не принято вспоминать — уж слишком всё неромантично: какой крови она стоила! А кто взял верх? Кроманьонец, «хомо сапиенс», человек разумный. Именно разум — та основа, на которой построена Вселенная...

И тогда он сказал то, на что никогда не был бы способен, если бы не перестал быть богом:

— Что вами руководит? Злоба? Мечь? Равнодушие?

— Нет! — прозвучала у него в голове телепатема. — Польза!

— А если нет пользы? Если то, что польза для одного, — гибель для другого?

— А вы хотели бы, Р-76ХС43, чтобы польза была в вашу пользу?..

Р-76ХС43 отключился. Прикрыл глаза и облизал верхней губой нижнюю. И вдруг почувствовал прикосновение Майи.

— Что они тебе сказали?

Он не отвечал.

— Что уничтожат меня и ребёнка?

— С чего ты взяла?

— Не делай вид, что не знаешь. Они ещё тогда, когда связались со мной, предупредили, что меня ждёт.

— И ты молчала?..

— Я знала, на что иду, когда выбралась из под-земелья с ребёнком. Но у меня не было выхода. Только надежда: ладно — я, но ребёнок при чём? Может, спасут и оставят в живых?

Бывший Р-76ХС43, ставший Виктором, чувствовал свою беспомощность. Парадокс, но, наверное, бог в нём всё же взял верх над человеком. Он почему-то даже в этот момент думал о том, что у гоминидов инстинкт деторождения сильнее инстинкта жизни. Может, это та же виртуальная мечта о бессмертии? У богов высшим предназначением была польза. У людей, наверное, — чувства. Ведь они были в состоянии толкнуть человека на самую великую для него жертву — отдать свою жизнь ради кого-то или чего-то, будь это ребёнок, возлюбленный или идея.

— Как всё же ты решилась на бегство?

От её взгляда он даже поёжился.

— Сколько у нас, гоминидов, детей — контролируют боги. Чтобы население не росло. Мне сказали: у меня может быть только один...

Его вдруг охватила жаркая волна жалости, сострадания и любви, он схватил её в объятия так сильно, что она даже вскрикнула.

— А что мне оставалось? — спросила она, когда он чуть ослабил объятия. — Всю грядущую жизнь мучиться оттого, что не могу спасти сына?

И у него вырвалось:

— А знаешь, я не уверен, что был бы способен на такое.

Они смотрели друг на друга, и каждый видел другого.

— Пока ты был богом — нет! — услышал он в ответ. — Тогда для тебя важна была только цель. Но ты стал человеком, и у тебя нет ничего дороже и важнее, чем чувства.

Это просто необъяснимо: только встретившись с Майей, фактически он родился заново. Не как бог — как человек! Боги забрали у него у него самое главное в жизни — жажду отдать себя полностью и обрести целый мир, как бы он ни был призрачен и недолговечен. Никогда ещё он не чувствовал боль утраты: его ограбили! Он мог любить и ненавидеть, терять и находить, горевать и быть счастливым, но всего этого его лишили во имя самого страшного идола всего живого — пользы! Возврата назад нет: он, как отчаянный аквалангист, перешагнул рубеж безопасности.

— Мне сказали, что у нас остаётся только неделя...

— Ты бы сделала то же самое, если бы знала, что всё так кончится? Не жалеешь? Ведь ничего не вышло.

— Почему не вышло? — прошептала она. — Вышло! Я нашла бога... Скажи, как они это сделают?

Он сделал в уме подсчёт: прийти за ними должны были сегодня... Тяжело вздохнув, бывший бог поднял на руки свою возлюбленную и уложил на выкатившееся из стены ложе.

— Ты ничего не почувствуешь. Мы просто заснём...